

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-567-579

EDN: XXNMJB

Идентификационные ценности в социолингвистической системе*

Т.В. Науменко, О.Ю. Корниенко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, 119234, Россия

(e-mail: t-naumenko@yandex.ru; lin_expr@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена развитию важнейших для национальной идентичности ценностей: определению друзей и недругов, болезней и здоровья, закона и наказания за проступки. Цель исследования — показать ход становления важных для социума ценностей и отношения к ним в современном мире. Теоретическая рамка исследования — ценностный анализ и метод социолингвистического изоморфизма, позволяющий сопоставлять развитие ценностей с эволюцией социума в диахронном аспекте. Авторы рассматривают основные ценности по отдельности, разделяя их по определенным сферам функционирования социума. Эмпирическая база статьи — сведения из этимологических источников, словари и онлайн базы данных, позволяющие проследить динамику становления и развития ценностей в тесной увязке с их денотацией и коннотацией. Показаны существенные различия в геополитическом и историческом развитии национальных сообществ России и Великобритании через призму социолингвистического изоморфизма (по-разному строились отношения с «другими»): временность отношений «подружия» в России и верность «своим» и финансовым интересам в Британии, что в современном мире привело к «брекзиту» в Британии и постоянной смене дружественных государств в России. Разное восприятие «болезни» выражается в вере россиян в собственный здоровый дух и народные методы помощи, а в Великобритании — в вере в эффективность управления медицинскими учреждениями. Весьма разнятся и подходы к закону: законодательный нигилизм в России и вера в ценность справедливости в целом против восприятия проступков в системе четкой градуированности наказаний Великобритании.

Ключевые слова: болезнь; друзья; закон; ценности; социальная политика; социальная система; социолингвистический изоморфизм

*© Науменко Т.В., Корниенко О.Ю., 2026

Статья поступила в редакцию 07.12.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Для цитирования: Науменко Т.В., Корниенко О.Ю. Идентификационные ценности в социолингвистической системе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 567–579. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-567-579> EDN: XXNMJB

Национальная идентичность — многогранное явление, которое включает культурные параметры, национальные ценности и установки и создается в определенном ландшафте в течение длительного исторического процесса. Национальные ценности, формирующие идентичность, в процессе эволюции нации становятся организующей основой ее социальной системы. Национальные ценности и идентичность меняются в результате эволюции наций и — шире — развития человечества, что всегда отражается в языке. Будучи неотъемлемой частью национальной идентичности, он не только составляет важнейшую часть культуры, но и позволяет вести мониторинг происходящих в социальной системе изменений. Это объясняет необходимость использования нетрадиционных методов анализа культурного пространства, в частности метода социолингвистического изоморфизма, который позволяет выявлять через языковые единицы происходящие в обществе процессы, наряду с ценностным анализом.

Установление отношений сходства уже давно применяется в психологии (тождественность процессов в головном мозге и поведенческих структурах), в социологии (институциональный изоморфизм — сходство процессов и структур в разного типа организациях) [2], лингвистике (копенгагенская структуралистская школа) [3] и др. Мы исходим из того, что языковые факты отражают только то, что было актуально для социума на определенных стадиях развития, а языковые реалии сохраняют важнейшие для нации изначальные смыслы, которые меняются, но сохраняют основную сему, что дает возможность исследовать социальные процессы, объективно отражаемые в языке.

В исследовании социума важно изучать национальный образ жизни, который формируется через систему ценностей, а передается через обучение, воспитание, культуру и идеологию в самом широком смысле таковых. Так, в коммуникации необходимо соблюдать принцип «изнутри–снаружи» — решение любой конфликтной ситуации, как в бизнесе, так и в социуме, возможно лишь при глубоком понимании ценностных установок другого, а решение социальных конфликтов через принцип «снаружи–внутри» невозможно [5]. Изменения наших подходов к восприятию мира проходят через ментальную картину мира, закрепленную в лексико-грамматическом строе языка и морально-этических установках общества, оформленных в виде законов, сводов правил поведения и обычаев, а образовавшиеся установки затем влияют на социально-политическую жизнь общества. Например, культурные ценности пока-

зывают, как меняется важнейшая для общества идентификационная дихотомия «свой–другой». Данная дихотомия в разных обществах имеет разные формы, поскольку соотносится с пространственно-временным и культурно-идеологическим контекстами, формируя разное понимание важнейших ценностей и установок. В анализе функционирования национальных ценностей уместно использовать метод социолингвистического изоморфизма, чтобы выявить изменения национальных культурных ценностей в национальных сообществах через языковые механизмы и значения важнейших понятий.

Например, в российской ментальности идентификационная дихотомия строится на противопоставлении «свой–чужой» и является весьма подвижной, поскольку находилась в постоянном соприкосновении со множеством «чужих» в лице других народов. Языковая картина русского языка отражает восприятие чужих в таких противоположных семах-понятиях, как «чудный, чудесный, чудо и др.», с одной стороны, и «чудище, чудовище, чужь и т.п.» — с другой. В британской ментальности, которая сформировалась как отражение островной исключительности, идентификационная дихотомия формируется по линии «Self–Alien/Other», т.е. «свой, собственный» против «другой, чужеземный». Данная ментальность достаточно жестко устанавливает круг своих, близких, потом других, но довольно близких, а те, кто находятся «oversees» (за морями), по определению чужие, враждебные, что отражается в политике Британии как государства.

Анализ чувственного восприятия быта, особенностей коммуникативных отношений дает важную информацию об обыденном сознании, ценностных понятиях на бытовом уровне, которые весьма отличны в разных культурах, что, в частности, отражено в таких понятиях, как «дружба», «нездоровье», «наказание». Сегодня такие сложные феномены частично совпадают в языковом сознании и в то же время различаются яркой маркированностью национального сознания. Причем вербальное значение слова лишь отсылает к его предметному значению, базирующемуся, в свою очередь, на перцептивном образе, существующем либо как нечто «внешнее» в действительности, либо как нечто «внутреннее» в сознании [7. С. 11–12].

Трактовки дружбы

Сама геополитическая локация России подразумевает изменчивость под влиянием множества соседних государств, которые находятся в постоянном контакте с нашей страной, и это контакты при смене элит или условий развития превращаются из дружественных в недружественные. На короткий период времени мы говорим о дружественных других, со своим видением мира и интересов, или «бывших дружественных странах», которые могут стать враждебными, что подчеркивает подвижность границ понятия друж-

бы. Эта временность, возможность перемены в отношениях с теми, к кому идешь с добром, как в случае отношений Николая I и руководства Австро-Венгрии, может быть связана с социально-политическими причинами: «заключенные друзья» — те, кто мгновенно забывает добро и следует только своим меркантильным интересам.

В русском языке, где слово «друг» связано с понятием «другой» (человек, воспринимающий мир по-другому, с другими ценностями), довольно часто встречаются словосочетания неположительной коннотации: плохие друзья, вероломный друг, фальшивый/странный/мнимый друг и т.п. История становления такого рода социально-политических установок отражается в динамике слова: в X–XII веках «друг» — это другой, ранее незнакомый, кто оказался рядом во время похода в составе «задружи», т.е. общины людей, которые проживают какое-то время совместно во время военных действий (племена часто отправлялись в поход из временных станов в составе «подружия, дружины»). Со временем, по мере изменения родовых отношений «дружина» стала означать профессиональных воинов из разных «других» княжеств и территорий, но в XV веке отношения «подружия» в дружине меняются по мере возникновения классов, и слова «друг/дружба» переходят на бытовой уровень [10], где неактуальны отношения обязательств, которые скрепляли «подружников». Краткий этимологический экскурс позволяет предположить, что в значении слова «друг» в русском языке изначально была сема временности и даже переменчивости отношений «подружия».

Несколько иначе данная сема развивалась в английской культуре: close friend, careful friend, true friend, nice-looking friend, best friend (близкий/заботливый/верный/миловидный/лучший друг). В британской ментальности изначально, с IV–V веков слово «friend» от древнеанглийского «frēond» и еще более древнего прагерманского «frijōnd» означало «возлюбленный, друг» и имело важную сему «любить» (отношения, базирующиеся на сильных чувствах). Данные отношения не имеют четкой привязки к сексуальной или семейной любви, но указывают на определенную привязанность только к одной стороне или персоне, и это значение сильных чувств не менялось более 1500 лет. В XVII–XIX века сема дружбы и любви при смене социально-политической ситуации ослабилась, приобретая значение лояльности, верности, доверия, благожелательности. Более того, появилась дополнительная коннотация — финансовая поддержка: «the school friends» — спонсоры школы. В период активного развития экономики и финансов трудовые отношения часто регулировались друзьями, и существовало даже понятие контрактных отношений между членами рода или друзьями (the contractual household-family relations, kin = friends and relations). Среди британской элиты одновременно наблюдались тенденции к усилению семы любви как «романтической дружбы», что встре-

чалось еще в средневековых источниках в воинском сословии и стало очевидным к концу XVIII века. Причем для «дружбы христианской» была характерна духовная близость, что в период романтизма трансформировалось в чувственное переживание.

В эпоху Возрождения о дружбе (friendship) говорили как об интимной дружеской связи, но такое использования понятия «friend» к XX века пошло на убыль, поскольку мужчины не хотели, чтобы их воспринимали как гомосексуалистов. Тем не менее, сема «любящий, дорожащий отношениями» по-прежнему проглядывает в значении «friend», а в широко распространенных сегодня словосочетаниях «boyfriend, lady-friend, girlfriend» по-прежнему есть указание на сексуальные связи. Таким образом, в английской ментальности важнейшие оттенки слова «friend» — лояльность, сексуальность и привязанность.

Ценность здоровья

Ценность здоровья также много может рассказать о состоянии общества, его нацеленности на будущее, отношении к будущим поколениям и демографии. Сегодня российское государство много внимания обращает на обеспечение качественного здравоохранения, однако, несмотря на все усилия государства стимулировать граждан к ответственному отношению к своему здоровью, большинство россиян тянут с лечением, в России часто имеет место неадекватная оценка своего здоровья и непонимание того, что здоровье — и личная ответственность граждан, тогда как в западных странах, включая Великобританию, культ здоровья (физического и психологического) давно стал важной составляющей жизни.

Медико-социальный ресурс — важнейший аспект состояния общества и его идентификационного потенциала, который способствует обеспечению национальной безопасности. На эту важнейшую сему мало обращают внимание, но она очень важна в плане жизнеспособности и перспектив социума. Тема «здоровье, крепость, болезнь» не является проходной, поскольку ее коннотации указывают на моральные установки и здоровье нации. Русский язык указывает, что славяне ценили силу, здоровье и долгое время не признавали «боль», «болезнь» как таковые. Слов, означающих «боль», не было, и «больные» считались полными сил, мощными, как и другие члены коллектива. Сказать человеку, что он «болит», означало, что он выздоравливает. И если повторять человеку, что он становится сильнее, то он таким и будет. Исторически основное значение глагола «болити» — «получать силу». Женщины самых сильных старших детей называли «больненький» или «большенький», что ярко иллюстрирует сему данного слова. Кроме того, данная сема просматривается в словах «болярин» (старший помощник князя), «больство» (превосходство), «болеждь» (преимущество), «бальство» (лекарство). Все эти слова указы-

вают на исключительно положительный смысл семы «болеть» [6. С. 66]. И только в XII веке, после принятия христианства, у славян появляется признание болезни в значении «душевная боль». Позже «маломощность» включает только признание признаков неполадок отдельных органов, а не нездоровье в целом: «родимец» (паралич), «зараза» (чума), «каженик» (сумасшествие), «труд» (давление) и т.п. Такое отношение к боли, болезни в некоторой степени объясняет медицинский нигилизм россиян, когда их кнутом и пряником заставляют осознать важность решения своих проблем со здоровьем и заманивают на диспансеризацию, прививки и профилактические мероприятия.

Другая картина вырисовывается в английском языке, где уже много веков активно используются слова «*kill/illness*», которые имеют общий смысл «плохой, тяжелый, подлый, злой» [15]. Из древнескандинавского языка слово «*illr*» приходит на территорию современной Британии в XI веке с негативным значением «подлый, морально злой, плохой, предвещающий беду». С середины XIV века сема отрицательности усиливается: «вредный, пагубный, отмеченный злыми намерениями». Через полвека негативная сема «пагубный, страдающий, нездоровый» уже указывала на плохое самочувствие, что постепенно утвердилось в новом понимании — «больной, страдающий, нездоровый».

В социальном плане сема «здоровье–болезнь» отражает как физическую, так и моральную проблему, поскольку в современном мире глобализация затрагивает разные сферы жизни, в том числе здоровье. Многое унифицируется, однако в основополагающих ценностях национальные особенности по-прежнему сохраняются, например, «слабость, болезненность» в русской лингвокультуре оценивается (помимо всего прочего) интенсивностью дыхания — дохлый, выдохшийся (от слов «дух», «душа»), а в английской лингвокультуре — эмоциональной неустойчивостью (*feeble*) [11]. Болезнь в русском обществе — то, чего следует избегать и над чем иронизировать, что демонстрируют следующие неологизмы из сферы отношения населения к болезням и медицине: «валежник» (палата с лежащими больными); «мозгоеды» (психиатры); «дискотека» (скорая помощь с мигалками и сиреной); «рецидивист» (больной, имеющий осложнения); «утконос» (нянечка или студент-практикант). Очевидно, что через юмор россияне пытаются отгородиться от болезней, что вполне в духе нашей ментальности, где как «норма» сохраняется нежелание признаваться в заболевании, не допускать мысль о маломощности, высмеивая все, связанное с медициной, и предпочитая самолечение (баней, травами, движением).

Англоязычная среда, форумы, социальные сети показывают другую картину — эмоциональная составляющая, психологические или оценочные характеристики часто преобладают над физическими: *ill act* (дурной поступок); *ill temper* (дурной нрав, характер); *ill will* (недоброжелательство).

тельность, враждебность); ill advised (неразумный, опрометчивый); ill looking (мрачный, зловещий); to wish ill (желать зла); to bode ill (служить дурным предзнаменованием); ill-gotten (добытый нечестно). Кроме того, в английском языке сема нездоровья (illness) сохраняет значение «зло, плохое состояние», но разнообразие проблем все больше ассоциируется с социально-психологическими характеристиками: quadrobics (неадекватное поведение — человек начинает вести себя и одеваться как животное); youth molecule (лекарства, которые помогают при проблемах с памятью); brain flossing (ментальная перезагрузка через прослушивание 8 D звучания); friendflation syndrome (нежелание отмечать важные события с друзьями из-за дороговизны развлечений); femgore (увлечение ужасами, в которых женщины совершают все страшные преступления, что связано с их ментальной неустойчивостью); fox-tox (вид ботокс процедур, чтобы придать глазам утонченно-хищный вид, как у лисы) и др.

Таким образом, этимологические истоки семы «болезнь» (illness) и ее развитие существенно разнятся в британской и русской культурах, прежде всего в плане присутствия семы зла (в английском языке) и веры в то, что можно внушением и самонастройкой снова стать здоровым (в русском языке). Для россиян — это установка на возможности организма и профилактику народными средствами, у британцев — на признание болезни и на тесную увязку с меняющимися социальными установками, когда экономические проблемы или политические трансформации меняют восприятие здоровья, которое британцы поддерживают в основном с помощью медицинских препаратов.

Закон и справедливость

Система восприятия проступков и наказаний — яркий маркером национальных ценностей и установок. В российской и британской культурах наблюдаются серьезные расхождения в восприятии смыслового поля закона, что связано с существованием в истории России общины — когда каждый член социума зависел от установок своего сообщества. Регулирование осуществлялось на основе «нравъ и обычай», и древнее значение «за конь» (за край) означало, что член сообщества преступил установленные границы правил жизни по принятому обычаю. Четкой градуировки наказания для тех, кто нарушил эти границы, не было, потому что осуждение было страшным наказанием и грозило нарушителю изгнанием. По мере принятия христианства в обществе произошли существенные изменения, связанные с вхождением в жизнь церковных правил и законов, и язык наводит библейско-книжная лексика: «завъеъ, заповѣд, зарокъ».

Влияние христианства было огромным, но русское общество не занималось прямыми заимствованиями, а переосмысливало и создавало свои словоформы для обозначения культурных и социальных явле-

ний. Более того, во главу угла по-прежнему ставилась справедливость, а не градуированность наказаний: понятие справедливости, основанное на обычаях и традициях, очерчивало то, чего не следовало преступать и вбирало в себя обыденные особенности народов Руси, выраженные в и проявляющиеся через язык. Так, префиксация в этот период имела особый смысл, означая прошлое, в котором рождались заветы и заповеди предков в мире, который в восприятии восточных славян был бесконечной, цикличной сменой времен, где события повторяются и то, что было в прошлом, становится будущим, а это будущее со временем становится для следующих поколений прошлым. Мир в такой трактовке не дискретен и многозначен, и в языке именно частица «за» создавала бесконечный круг смены времен: так, все типы обещаний, уговоров и договоров подразумевали «завѣть, заповѣдь, зарокъ» на долгие времена на основе повторения пройденного.

В XIV–XV веках появляются четко прописанные правила в новых условиях развития классов, что влечет смену смысловой парадигмы — внедряются установления, т.е. неродовые правила, что довольно негативно воспринимается русским народом. Такого рода установления входят в противоречие с понятием справедливости, что особенно ярко проявлялось в слове «заповѣдь»: «Если заветы дают, то заповеди кладут, если завет — нечто сложенное, то заповѣдь — догма (запрет)» [б. С. 66]. Система запретов, влекущая штрафы, дала толчок появлению множества отрицательно воспринимаемых обществом словосочетаний: «заповедная грамота» (запретительная); «заповедные лета» (годы, когда крестьянам нельзя переходить к новым хозяевам); «заповедные деньги» (штрафы), т.е. такие понятия, как заповѣдь, завѣть и зарокъ, подразумевали нарушение ранее установленных обычаев. Только «закон» не воспринимался как нарушающий традиционные правила жизни, что закрепило положительную коннотацию слова в русской ментальности, причем даже церковь в средние века утверждала нормы закона как нечто, данное богами, а, значит, они неизменны и не могут меняться людьми.

Сегодня англо-саксонская система права является основой многих законодательных актов, регулирующих международные отношения во всех сферах жизни, однако исторически понятие закона в Британии было весьма подвижным. Изначально понятие закона существовало в Англии в виде языковой семы «*æ*» со значением «закон, порядки, обычаи, традиции» [14], которые охватывали сферу принятых обществом правил, законов природы и заветов богов. Однако со временем они стали неактуальны, поскольку с принятием христианства новые установки вытеснили слово «*æ*» — оно стало ненужным в обществе, где важными стали. Обращает на себя внимание следующая особенность понимания закона в Британии: изначально это правовая оценка проступков в их частной направленности, в основном в логике

«собственность — осознание нарушения — меры наказания». В английском языке это отражается в следующих единицах: «*ælmesse — seāp — wilde hors*» (соглашение дарения — торговая сделка — четвертование); «*botlgestreōn — knower — rask*» (собственность, богатство — судья — пытаться на дыбе) [9].

Укрепление государственного строя после распространения христианства дало толчок активному разбирательству в судах разного уровня — «*Witenagemot — Hundredgemot — Folcagemot*» (суд мудрецов — суд сотни — суд народа), что подразумевало довольно квалифицированное разбирательство свободных граждан и градацию проступков и видов наказания. Объединение судов на основе разбирательства свободных граждан и представителей церковной верхушки (сегодня «*the Privy council*») убрало роль народных представителей из смыслового поля, как и само слово «*gemot*». Наиболее демократичной формой судов были «*Hundredgemot*» (сотенные суды, суды сотни), которые заложили основы института шерифов: на суде председательствовал бессменный «сотенный старейшина», позднее каждые полгода на эту роль приглашался шериф, функцией которого было выявление правонарушений. Развитие судов сотни привело к появлению института мировых, народных и поселковых судов [16].

Новый этап был связан с нашествием датчан на территорию Британии, которые принесли свою законодательные порядки и то слово, которое на долгое время вошло в систему британского правосудия — «*law (lagu — мера, черта)*» — из датского права *Danelagen* [1], где «*law*» означало «правила поведения, установленные властью на базе свода церковных заповедей» [13]. На какое-то время в словарь слово «*court*» вошло как частотно употребляемое, подчеркивая возможность личного надзора короля за правосудием, в результате чего постепенно закон становится унифицированной, строящейся по римскому образцу системой политического администрирования с четко прописанным наказанием, и логичным стало появление частного права. Частная юрисдикция дает еще в XV–XVI веках названия для разного рода законодательных разбирательств: *fief/feud* (феод, право на получение дохода); *scutage* (щитовые деньги, откуп от службы в армии); *liege* (ленное право, регулирующее отношения между сюзеренами и вассалами) [17].

Изменение отношений между властями и церковью дали толчок развитию статутотворчества и умению их толковать [8]. И снова главную роль среди законодательных положений играет собственность, что подтверждается многообразием ее форм и способов передачи: *botlgestreōn* — «собственность, богатство», *ār* — «недвижимость», *æht* — «собственность на землю», *épel* — «принадлежащие здания», *eardépelwyn* — «право владения», *āgān* — «владеть», *begeāt* — «покупка», *fæderenfeoh* — «имущество, переданное отцом дочери в день ее замужества, приданое» и др. Кроме того, активно внедряется система компенсаций за нанесенный вред: «*Wite*» — обвинения, наказания, за которые можно расплатиться не жизнью, а средствами; «*cildwite*» — от-

купные хозяину за беременность крепостной; «gyldwite» — штраф как форма наказания) [9]. Однако практиковались и более жестокие меры наказания: «hættian» (снятие скальпа), «heāfodstoc» (обезглавливание и выставление головы на всеобщее обозрение), «hors» (четвертование), «limlæw» (калечение). Очевидно, что нацеленность на четкое градуирование типа наказания характерно для английской судебной системы, где квалифицированные специалисты выносят наказание по строго установленной системе, основываясь на прецеденте.

Разное геополитическое положение и ход исторического процесса привели к специфическому пониманию важнейших для любого национально-общества ценностей в России и Британии. «Друг» воспринимался как временный союзник или попутчик в России, где отношения с многочисленными соседями менялись неоднократно, и сообщество привыкло полагаться на себя. В то же время британцы, жители островного государства, воспринимали дружбу как верность своим, в том числе тем, с кем имели финансово-экономические интересы или нежную привязанность. Геополитический расклад в современном глобализирующемся мире внес свой вклад в восприятие российским социумом «чужих» — общество стало расширять круг друзей, все больше склоняясь к восприятию чужих как «чудесных». Разочарования современного периода привели к тому, что довольно верный подход к пониманию временности «задругов и подружников» все еще силен в российском обществе, а в Британии основа национальной дихотомии «свой собственный — другой, чужеземный» привела к одобрению Брекзита.

«Болезнь» также совершенно по-разному воспринималась в российском и британском обществах. На Руси она не признавалась под давлением семьи здорового и мощного сообщества, что имеет не только положительное значение, но и ведет к пренебрежению медицинскими возможностями. В Британии болезнь была «злом, угрозой», к которой относились очень внимательно, хотя необходимая медицинская защита всегда была доступна. Активная глобализация привела к существенным изменениям в такой важнейшей сфере социальной жизни, как восприятие здоровья, которое сегодня считается неотчуждаемым правом и высшей ценностью. Однако здоровье также часто воспринимается как неотъемлемый фактор глобального развития в контексте «Целей устойчивого развития», и в российских национальных проектах [4] четко прослеживается связь социально-экономического развития страны и тематики «здоровья», которое зависит от множества факторов, а не только от состояния медицины и фармакологии. Британия всегда славилась социально-ориентированной системой здравоохранения, где 90% медицинских учреждений принадлежат государству, граждане ответственно относятся к своему здоровью, а система здравоохранения нацелена на разви-

тие персонала, новых технологий, эффективное руководство медицинскими учреждениями. Считается, что в Великобритании и менеджеры, и медицинский персонал лишь тогда работают хорошо, когда пациенты довольны комфортом и качеством услуг, даже если ждут их по 3–18 месяцев.

Понимание закона также имеет свои особенности, к которым даже сегодня в общественном сознании россиян относится восприятие наказания в контексте справедливости, а в Британии — соотношение проступков с ценностью собственности и четкой шкалой наказаний. Законы Британии базируются на фундаментальной ценности индивидуальной свободы — неприкосновенности права собственности и власти законов. Отношение россиян к «закону» противоречиво: часто законы плохо знают и не признают их приоритетной роли, считая, что «закон, что дышло — куда повернул, туда и вышло». С одной стороны, население понимает их важность для социального порядка, с другой стороны, мало кто чувствует себя защищенным благодаря законам.

Библиографический список

1. Вокабула: LAW. URL: <https://вокабула.рф/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8/%D0%B0%D0%B0%D1%8D%D1%81/law>.
2. Димаджо П., Пауэлл У. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1.
3. Елмслев Л. Прологомены к теории языка. М., 2006.
4. ИКСИ: Цели развития тысячелетия и национальные проекты — стратегический выбор России. 2006. URL: <https://ifap.ru/library/book161.pdf>.
5. Кови С.Р. 7 навыков высокоэффективных людей. М., 2023.
6. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
7. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М., 1983.
8. Лукашева Е.А. Право и культура // Труды Института государства и права РАН. 2012. № 5.
9. Попова Е.П. Эволюция лексико-семантического поля «правосудие» в английском языке VII–XVII веков: дисс. к. филол. н. М., 2017.
10. Протопоп Сильвестр. Домострой. М., 2021.
11. Туленинова Л.В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах: автореферат дисс. к. филол. н. Волгоград, 2007.
12. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ от 21.11.2011. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g>.
13. Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary. Prague: Charles University, 2015.
14. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2023.
15. Online Etymology Dictionary. 2025. URL: <https://www.etymonline.com/word/illness>.
16. Oxford English Dictionary. 2014. URL: https://openlibrary.org/books/OL24966543M/The_Oxford_English_dictionary.
17. Van Caenegem W. Intellectual Property Law and Innovation. Cambridge University Press, 2007.

Identification values in the sociolinguistic system *

T.V. Naumenko, O.Yu. Kornienko

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, bldg. 33, Moscow, 119234, Russia

(e-mail: t-naumenko@yandex.ru; lin_expr@mail.ru)

Abstract. The article considers the development of values crucial to national identity: the definition of friends and foes, illness and health, law and punishment for misdeeds. The study aims at reconstructing the development of socially important values and attitudes toward them in the contemporary world. The theoretical framework of the study is value analysis and the method of sociolinguistic isomorphism, which allows for a diachronic comparison of the development of values with the evolution of society. The authors consider the core values individually, dividing them into specific areas of social functioning. The empirical basis of the article is data from etymological sources, dictionaries and online databases, which allows to trace the formation and development of values in close connection with their denotation and connotation. The authors show significant differences in the geopolitical and historical development of the national communities of Russia and Great Britain through the prism of sociolinguistic isomorphism (relationships with “others”): the temporariness of “friendship” in Russia and loyalty to “one’s own” and financial interests in Britain, which led to Brexit in Britain and the constant shifting of friendly states in Russia. Different perceptions of “illness” are expressed in Russians’ belief in their own healthy spirit and traditional methods of healing, while in Great Britain — in the belief in the effective healthcare management. Approaches to law also differ greatly: legislative nihilism in Russia and the general belief in justice vs the perception of offenses within the clearly graduated system of punishments in Great Britain.

Key words: illness; friends; law; values; social policy; social system; sociolinguistic isomorphism

For citation: Naumenko T.V., Kornienko O.Yu.. Identification values in the sociolinguistic system. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (2): 567–579. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-567-579> EDN: XXNMJB

References

1. Vokabula: LAW. URL: <https://vokabula.rf/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D1%80%D0%B8/%D0%B0%D0%B0%D1%8D%D1%81/law>. (In Russ.).
2. DiMaggio P., Powell W. Novy vzglyad na “zheleznuyu kletku”: institutsionalny izomorfizm i kollektivnaya ratsionalnost v organizatsionnyh polyah [The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2010; 11 (1). (In Russ.).
3. Elmslev L. *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to the Theory of Language]. Moscow; 2006. (In Russ.).
4. IKSI: Tseli razvitiya tysyacheletiya i natsionalnye proekty — strategichesky vybor Rossii [Millennium Development Goals and National Projects — Russia’s Strategic Choice]. 2006. URL: <https://ifap.ru/library/book161.pdf>. (In Russ.).

* © T.V. Naumenko, O.Yu. Kornienko, 2026

The article was submitted on 22.11.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

5. Covey S.R. *7 navykov vysokoeffektivnyh lyudey* [The 7 Habits of Highly Effective People]. Moscow; 2023. (In Russ.).
6. Kolesov V.V. *Mir cheloveka v slove Drevney Rusi* [The World of Man in the Word of Ancient Rus]. Leningrad; 1986. (In Russ.).
7. Leontyev A.N. *Obraz mira* [Image of the world]. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya*. Moscow; 1983. (In Russ.).
8. Lukasheva E.A. *Pravo i kultura* [Law and culture]. *Trudy Instituta Gosudarstva i Prava RAN*. 2012; 5. (In Russ.).
9. Popova E.P. *Evolutsiya leksiko-semanticheskogo polya "pravosudie" v angliyskom yazyke VII–XVII vekov* [Evolution of the Lexical-Semantic Field of "Justice" in the English Language of the 7th — 17th Centuries]; diss. k. filol. n. Moscow; 2017. (In Russ.).
10. Archpriest Sylvester. *Domostroy*. Moscow; 2021. (In Russ.).
11. Tulenina L.V. *Kontsepty "zdorovye" i "bolezni" v angliyskoy i russkoy lingvo-kulturah* [Concepts of "Health" and "Disease" in English and Russian Linguistic Cultures]; avtoreferat diss. k. filol. n. Volgograd; 2007. (In Russ.).
12. *Federalny zakon "Ob osnovah okhrany zdorovya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation"] No. 323-FZ of November 21, 2011. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g>. (In Russ.).
13. Bosworth J. *An Anglo-Saxon Dictionary*. Prague: Charles University; 2015.
14. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers; 2023.
15. Online Etymology Dictionary. 2025. URL: <https://www.etymonline.com/word/illness>.
16. Oxford English Dictionary. 2014. URL: https://openlibrary.org/books/OL24966543M/The_Oxford_English_dictionary.
17. Van Caenegem W. *Intellectual Property Law and Innovation*. Cambridge University Press; 2007.